1961 год

Новый рубль

1 января в стране появились новые деньги. Еще 5 мая 1960 года газеты объявили о предстоящей с будущего года деноминации рубля один к десяти с соответствующим уменьшением цен также в 10 раз, при этом меняли любые суммы без ограничения. В сталинскую денежную реформу 1947 года, проводимую якобы тоже с целью замены образца дензнаков, меняли один к одному лишь очень незначительную сумму; затем, кажется, до трех тысяч рублей – один к трем, остальное – и вовсе один к десяти, а цены в магазинах остались дореформенными. Таким образом, та денежная реформа носила чисто конфискационный характер, из оборота изымались ничем необеспеченные, напечатанные во время войны, рубли.

Излишки денежной массы объясняли нашествием напечатанных в Германии фальшивых купюр. Однако истинной причиной инфляции и последующей денежной реформы 1947 года стал наш собственный запущенный на полный ход денежный печатный станок.

Реформу 1947 года готовили в строжайшей тайне, справедливо опасаясь, что узнав о ней, люди бросятся в магазины и, избавляясь от «старых» денег, сметут с полок всё до последнего. Сейчас же об обмене банкнот объявили заранее, постарались убедить население: эта акция не навредит никому, обмену подлежит любая предъявленная сумма без указания источника ее происхождения. Сверхкрупные суммы, естественно, не прошли бы незамеченными, поменять-то их поменяют, но «богачи» тут же оказались бы на крючке у милиции и прокуратуры. За полугодовой период от публикации до начала обмена держатели крупных накоплений смогли подыскать «друзей», которые обменивали им деньги мелкими порциями, кто «не в службу, а в дружбу», а кто за комиссионные. Несмотря на безобидность объявленной правительством акции, обмен денег вызвал массу толков. Люди недоумевали: если ничего не меняется, то зачем затевать всю историю – значит, государство темнит. Никто не сомневался, что их обманут, но в чем и как? Пересудам не было конца. Естественно, и я пристал к отцу: «Зачем затеян обмен рублией?» Он пояснил, что причина чисто техническая, задумал обмен курировавший финансы новый первый заместитель отца в правительстве Алексей Николаевич Косыгин. Он любил, я бы сказал, боготворил, порядок, «Бюрократию» с большой буквы, где все разложено по полочкам. Дешевые «старые» рубли его раздражали, бюджету приходилось оперировать сотнями миллиардов, а вскоре дошло бы и до триллионов. Сводить дебет с кредитом становилось все хлопотнее. Компьютеры финансистам тогда и не снились, они шелкали на счетах и крутили ручки арифмометров. Двенадцать нулей для такой техники оказывались почти непосильными. Пришлось бы переделывать арифмометры или, что практичнее, округлять и так уже округленные огромные суммы, а это могло породить не только неоправданные потери, но и злоупотребления. В этой механической бухгалтерии лишний ноль значил много, и Косыгин решил его убрать. Всего один ноль, больше тоже нельзя, убери два – и полетят цены на хлеб и основные продукты. Их придется исчислять в долях копеек, давно забытых «грошиках». «Один ноль» представлялся Косыгину идеальным выходом из положения, финансистам работать станет легче, а граждане замены старых банкнот на новые практически не заметят. Более того, они от нее выиграют. Старые огромные, оттопыривающие карманы бумажные рубли, пятерки, тридцатки и сотни заменялись на новые, миниатюрные. Их легко уместить в любой бумажник. На уменьшении размеров банкнот выиграет и государство, Гознаку потребуется меньше дорогостоящей особой бумаги.

В качестве примера Косыгин приводил Францию. Он сопровождал отца во время государственного визита в марте 1960 года и подробно побеседовал с местными финансистами, с 1 января 1960 года увеличившими «вес» нового франка в сто раз. Тоже чисто «по техническим» соображениям и еще немножко из-за престижа.

Пример Франции окончательно убедил отца, что деноминация рубля нам ничем не грозит, капиталисты ничего не затевают себе во вред. Он дал «добро» началу реформы. 1 января 1961 года у сберегательных касс выстроились очереди, но очень быстро они рассосались. Одновременно магазины обзавелись новыми ценниками с низкими до смешного ценами. Иллюзия дешевизны продолжалась до первой зарплаты, она тоже оказалась до смешного мизерной, былая тысяча обернулась сотней. Приходилось привыкать считать не рубли, а гривенники.

Еще одна любопытная деталь. Первоначальным планом предусматривалось заменить не только все «бумажки», но и перчеканить монеты. Рачительный Косыгин предложил сэкономить на медяках. Копейки, как и двушки с трешками, до реформы почти ничего не стоили, за оброненной на улице монетой не нагибались. Решили одну-, двух- и трехкопеечные монеты сохранить, но заранее официально о том не объявлять. Секрет долго не удержался. Мелкая монета мгновенно исчезла из оборота. Вчерашняя никчемная копейка теперь становилась гривенником, тянула на коробок спичек, а двушка заменила пятиалтынный в уличных таксофонах.

Когда отцу доложили об исчезновении мелочи, он воспринял информацию спокойно: бюджету это что слону дробина, расходы на штамповку новых копеечек все равно превысили бы потери от их временного изъятия из оборота. Неправедных миллионов на копейке тоже не сделаешь. Всё оставили без изменений, после обмена старых денег на новые копеечки вновь появились в кассах магазинов.

Не знаю, как во Франции, на которую ссылался Косыгин, но у нас обмен денег один к десяти не прошел незамеченным. И дело не только в том, что государство смухлевало на мелочи, воспользовавшись реформой, доли копеек в «хвостах» ценников округлило в свою пользу. Неподвластный государству «рыночный» сектор экономики на реформу не отреагировал, бабушки, как продавали пучок петрушки за десять копеек, так и продолжали продавать за те же десять копеек, то есть в десять раз дороже. «Рыночный» фактор Косыгин не учел, он его просто не принимал во внимание как не делающий погоды в общегосударственном денежном обороте. Со своей, «бюрократической», колокольни он все оценивал правильно, вот только в личных бюджетах граждан «рыночная» составляющая играла значительную роль. В магазине пучок петрушки по государственной цене за копейку не купишь, она там вообще исчезла. А с бабушкой на рынке не поспоришь, хочешь – бери, не хочешь – оставайся ни с чем. Косыгин считал, что государство должно контролировать цены не только в магазинах, но и на рынках. Однако к каждому продавцу на рынке милиционера не пристаешь. На то он и рынок.

Уже после выхода отца на пенсию случайные собеседники донимали его претензиями, что обмен денег 1961 года открыл ворота инфляции. Он искренне недоумевал – госторговлю обязали следовать установленным государством правилам. Что же касается «базаров-рынков», то тут, оправдывался отец, недоглядели. Но одно дело копеечный пучок петрушки, а другое – рублевые цены на мясо или фрукты.

Они и на рынках, вслед за магазинными, снизились, правда, не в десять раз, а как продавцы посчитали для себя удобным. То есть цены все-таки выросли, но, по мнению отца, они росли и до 1961 года.

«Сменяют окраску или сделают какое-то незначительное изменение и поднимают цены, – поясняет отец своим особо настойчивым собеседникам в книге воспоминаний. – В мое время мы на этом многих ловили, особенно местную промышленность. Они стреми-

лись так увеличить наполнение местных бюджетов. За это мы наказывали руководителей. Это злоупотребление, это дискредитация советской власти. Такое повышение цен никак не связано с деноминацией рубля».

Собеседники с отцом не соглашались, не соглашались с ним и авторы, пишущие об экономике. Они отсчитывают рост скрытой инфляции от 1 января 1961 года. И отец, и его оппоненты по-своему правы. К тому же, винили отца не столько в его собственных, сколько в грехах его преемников, пик скрытой инфляции пришелся на период уже после его отставки, совпал с ростом военных расходов. Тогда высшее руководство перестало квалифицировать «шалости» с ценниками как «злоупотребление и дискредитацию советской власти». Так-то оно так, но деноминацию рубля провел отец, ему и «лыко в строку».

И последнее замечание. Большой денежной реформе предшествовала мини-реформа, 15 ноября 1960 года изменили соотношение рубля к доллару. От четырех к одному перешли к паритету: один рубль – один доллар, если быть совсем точным, то 90 копеек за доллар. Для большинства населения мини-реформа практического значения не имела, доллары на рубли и обратно советские люди не меняли.

Как рассчитали реальную весомость разных валют в отсутствие их свободного обмена, для меня – загадка. Мой знакомый, профессор Белкин, считает, что это возможно, если «воспользоваться методом Джильберта – Крэвиса, оперирующим паритетом валют, исчисленным по структуре валового национального продукта СССР и США». После денежной реформы 1947 года Белкин с товарищами в соответствии со своей теорией насчитали 14 рублей за доллар. Такой расчет и представили Сталину, но со слов возившего документы в Кремль начальника ЦСУ В. Н. Старовского (его ведомство проводило эту работу), тот взял синий карандаш и перечеркнул единицу. Получилось четыре рубля за один доллар. Вот и вся наука. В марте 1950 года курс 4:1 объявили официальным.

Иностранные дипломаты возроптали, кроме них, по этому курсу доллары на рубли практически никто не менял. В Министерстве иностранных дел над ними только посмеивались: так им, капиталистам и надо! На мизерной внешней торговле этот «сталинский» обменный курс никак не сказывался, там за все рассчитывались не рублями, а золотом, и не по курсу, а на вес.

Когда начались осторожные поездки в обе стороны, соотношение рубль-доллар приблизили к реалиям жизни, в 1957 году ввели специальный обменный курс для «нетоварных» операций, то есть для туристов и дипломатов, десять рублей за доллар. Тоже в какой-то степени от лукавого, сделать рубль еще дешевле сочли политически неверным. Теперь его механически «привели в соответствие», а уж почему вместо одного к одному получилось 90 копеек, хоть убей – не пойму.